

Философский аспект проблемы смысла бытия

Князь Евгений Трубецкой

СМЫСЛ ЖИЗНИ

(Продолжение. Начало см. № 2'2018, 3'2018)

Всмотримся внимательнее в образ порочного круга, и мы ясно почувствуем ту гармонию, которая дает нам силу распознавать фальшь. Круг во всех религиях есть символ бесконечности; но именно в качестве такового он служит и для изображения смысла, и для изображения бессмыслицы. Есть круг бесконечной полноты – это и есть то самое, о чем мы вздыхаем, к чему стремится всякая жизнь; но есть и бесконечный круг всеобщей суеты – жизнь, никогда не достигающая полноты, вечно уничтожающаяся, вечно начинающаяся сызнова. Это и есть тот порочный круг, который нас возмущает и лежит в основе всех наглядных изображений бессмыслицы в религиях и философии. Этот круг бесконечной смерти возмущает нас именно как пародия на круг бесконечной жизни – цель всякого жизненного стремления. Этот образ вечной пустоты существования возмущает нас по контрасту с интуицией полноты жизни, к которой мы стремимся. И в этой полноте жизни, торжествующей над всякими задержками, препятствиями, над самой смертью, и заключается тот «смысл» жизни, отсутствие коего нас возмущает.

Короче говоря, тот мировой смысл, который носится перед нами как цель нашего стремления, есть всеединство; это тот мировой строй и лад, в котором всякое жизненное стремление достигает своего окончательного удовлетворения, всякая жизнь достигает полноты. Полнота жизни, окончательно восторжествовавшей над смертью, и единство всего живого в этой полноте в интуиции мирового смысла – одно и то же. Оно и понятно: полнота жизни осуществима лишь при условии окончательного прекращения борьбы за жизнь, разделяющей живую тварь.

Та же связь между интуицией смысла и восприятием бессмыслицы объясняет нам еще одну замечательную черту этого восприятия. Почему наше страдание о человеке самое глубокое из всех? Именно потому, что вера в смысл всего живого связывается для нас по преимуществу с мыслью о перворожденном всей твари – о высшей ступени мировой эволюции.

Что такое эта пародия на смысл, которая нас возмущает в человеческой жизни? Присмотритесь к ней внимательнее, и вы увидите, что она – ничто, если нет того смысла, который пародируется, высмеивается, вышучивается жизнью. Все живые существа переживают бессмыслицу, все о ней страдают, томятся ею. Но одно-единственное существо из всей твари – человек – поднимается над нею мыслью, сознает и осуждает ее как недолжное. Он один, стало быть, среди окружающей его суетной жизни является вестником чего-то иного, должного. Подъем человеческого сознания над суетою окрыляет надежду. Вот почему, когда этот подъем оказывается бессильным – не жизненным, а только мысленным, скорбь о суете мира возрастает до бесконечности. Где полнота жизни, где ее единство, гармония и лад – вот вопрос, который сам собою возникает при виде неудачи и падения человека, вот в чем заключается основная тема бесовского над ним издевательства. Стало быть, и это издевательство предполагает определенную интуицию мирового смысла; если нет этого смысла ни в жизни, ни над жизнью, то обращаются в ничто эти гогочущие черты в человеческом образе. Тогда нет ничего безобразного, дикого, постыдного. И самая насмешка над человеческим достоинством становится беспредметной, потому что этого достоинства нет вовсе.

Все это страдание о развенчанном царе-человеке было бы совершенно невозможно, если бы для нашего чувства он не был именно царем по призванию, носителем и выразителем мирового смысла по преимуществу. От человека, завершающего доступную нашему наблюдению лестницу существ, мы ждем дальнейшего откровения этого смысла, дальнейшего подъема в другой план бытия. Мы чувствуем эту его принадлежность к другому плану: иначе как могло бы его сознание возвышаться над здешним планом существования?! Но в человеке все борется, все двойится. И та духовная мука, которую мы испытываем, есть именно выражение этого рокового раздвоения, этого спора смысла и бессмыслицы в человеке и о человеке. С одной стороны, духовное рабство, провал всемирной культуры, бездна падения человека и человечества, а с другой стороны, властный призыв к иной, лучшей жизни, стыд за себя и за других и тот беспощадный суд совести, который свидетельствует, что есть в человеке что-то, что возвышается над его падением, – есть неистребимое влечение к смыслу вопреки преобладающей силе бессмыслицы.

Совесь о должном, восстающая против суеты и возмущающаяся унижением человеческого достоинства, – вот новое, яркое проявление того присущего нам сознания жизненного смысла, которое не уносится потоком бессмысленной жизни. Это – сознание о какой-то безусловной правде, которая должна осуществляться в жизни вопреки царствующей в ней неправде. Посмотрим, что мы имеем в этом свидетельстве совести.

Оставим пока в стороне вопрос о его содержании и сосредоточим вни-

мание на тех формальных признаках совестного суда, которые были указаны Кантом. По содержанию нравственное сознание человечества меняется; стало быть, нравственные вопросы в различные эпохи могут и решаться не одинаково. Но каковы бы ни были эти решения по содержанию, совесть всегда есть свидетельство о чем-то безусловно должном. Понимание нравственной правды может меняться, но при этом остается неизменным один элемент нравственного сознания – это наша уверенность, что есть что-то безусловно должное над нашими меняющимися мыслями о должном, есть какая-то норма, выражающая безотносительную и неизменную правду о должном. И этой норме должны следовать все, всегда, во всех предусматриваемых ею случаях. Это и есть основное предположение всякого нравственного сознания, то, о чем свидетельствует совесть. Можно заподозрить это свидетельство, можно его отвергнуть, можно признать его за иллюзию, но нельзя усомниться в одном: совесть как таковая есть именно утверждение безусловной и всеобщей правды над нами, притом правды жизненной, ибо вся наша жизнь должна ей следовать.

Что же такое эта нравственная правда, о которой свидетельствует совесть? Очевидно, что это не какое-либо независимое от нас «бытие», ибо бытие может во всем противоречить правде: правда остается правдой, хотя бы она всячески нарушалась в действительности. С другой стороны, это и не наше человеческое убеждение, так как наши убеждения также могут расходиться с правдой: правда остается правдой, хотя бы она никем не сознавалась. Значит, эта правда не мысль какого-либо психологического субъекта, а безусловная мысль о должном, которой приписывается действительность и значимость независимо от чьего-либо психологического сознания. Тут мы имеем не субъективное, а безусловное сознание. Безусловная мысль о правде предполагается всяким нашим нравственным суждением как что-то такое, что есть, хотя бы она нами, людьми, не сознавалась. Таким образом, рассмотрение формальных признаков совести приводит нас к тому же результату, к которому приводит и анализ всякого сознания. Над нашей мыслью есть безусловная мысль, которая выражает собою искомый первую с-мысл: и как есть безусловная истина о сущем, так же есть и безусловная правда о должном, безусловная правда о цели, к которой должна направляться наша жизнь, всякая жизнь. Эта цель-правда и есть тот с-мысл жизни, то есть та безусловная о ней мысль, которая должна в ней осуществляться.

Голос совести представляет собою не более и не менее как отклик сознания на запрос, истекающий из самой глубины жизненного стремления.

Вся жизнь наша есть стремление к цели. От начала и до конца она представляется в виде иерархии целей, из которых одни подчинены другим в качестве средств. Есть цели, желательные не сами по себе, а ради чего-нибудь другого: например, нужно работать, чтобы есть и пить. Но есть и такая цель, которая желательна сама по себе. У каждого из нас есть что-то бесконечно дорогое, ради чего он живет. Всякий сознательно или бессознательно предполагает такую цель или ценность, ради которой,

безусловно, стоит жить. Эта цель, или, что то же, жизненный смысл, есть предположение неустранимое, необходимо связанное с жизнью как таковой; и вот почему никакие неудачи не могут остановить человечество в искании этого смысла. Полное разочарование выразилось бы даже не в самоубийстве, а в смерти, в полной остановке жизни, ибо самоубийство есть все-таки акт волевой энергии, направленный к цели и, стало быть, предполагающий цель. Акт этот свидетельствует не о прекращении стремления к смыслу, а наоборот, о силе этого стремления и об отчаянии, проистекающем из неудачи в его достижении.

Надеждой на смысл сознательно или бессознательно приводится в движение все человеческое: и воля, и чувство, и мысль. А потому всякий неуспех на этом пути является лишь новым толчком к самопознанию и вместе с тем к сознанию того смысла, которого мы ищем и которым мы, сами того не ведая, живем. Волей-неволей вся жизнь строится в расчете на какую-то безусловную цель; а свидетельство совести говорит нам о том, что эта цель, ради которой стоит жить, есть некоторая объективная правда, безусловная и всеобщая, которая бесконечно возвышается над всяким субъективным желанием и мнением.

В чем же заключается эта цель, ради которой стоит жить, и эта объективная правда жизни, которая должна в ней осуществляться? В чем заключается искомое нами содержание смысла жизни? В этом вопросе выражается основной мотив религиозного искания всех веков. Различные религиозные и философские учения дают на него различные ответы; но есть и общее, что сближает между собою искателей правды всех веков. Это самый предмет их искания. Чтобы разобраться в особенностях отдельных решений, необходимо прежде всего внимательно всмотреться в это общее, что сближает всех.

Уже давно замечено, что искание истины было бы невозможно без некоторого предварительного о ней знания, ибо отыскать что-либо можно только по тем или другим признакам искомого, которые должны быть заранее известны искателю. Это верно и относительно искомого нами смысла жизни. В предыдущем изложении мы уже выяснили те заранее известные его признаки, которые предполагаются всяким его исканием. Это признаки полноты и всеединства.

Полнота жизни как единая цель для всего живущего – таков предмет искания всякого жизненного стремления; единая истина для всех – таково предположение всякого сознания вообще и, наконец, единая правда для всех – таково предположение нравственного сознания. Тоска по всеединству – вот что лежит в основе всего нашего страдания о суете и бессмыслице жизни; и поскольку мы возвышаемся сознанием над этой суетой, этот мысленный подъем уже представляет собою некоторый предварительный выход из того порочного круга, в котором мы томимся.

III. Спор о жизненном пути

Есть яркое олицетворение той внутренней борьбы, которая происходит в человеке, – борьбы между смыслом и бессмыслицей. Это сон, один из самых радостных человеческих снов и вместе – один из самых распростра-

ненных, сон, необыкновенно часто повторяющийся. Его, кажется, все или почти все видели, и притом по многу раз. Вам кажется во сне, что вы летаете. Кругом люди бегают, ходят, борются с земною тяжестью. Но для видящего этот сон всякая тяжесть отпала, всякая высота доступна; все существо его преисполнено радостным чувством какой-то необычайной легкости подъема. Самая замечательная черта этих снов – это то чувство неотразимой реальности, которым они сопровождаются. Вы спите и в то же время сомневаетесь, не сон ли это. Но видение не проходит, а продолжается. Вы испытуете вашу силу в самых невероятных подъемах и взлетах; вы ощущаете ее в неподвижном парении на головокружительной высоте и в этих испытаниях находите неопровержимые доказательства реальности вашего полета.

Но вдруг пробуждение разрушает эту радость; оно ставит вас лицом к лицу с иною, тоже неотразимой реальностью, с реальностью непреодолимой тяжести в ваших членах и плоскости, к которой вы прикованы. Вы не в силах не только взлететь, но даже и подняться с постели, да и не хочется подниматься! Когда вы встанете, вас ждет все тот же отвратительный, буднично кошмар, от которого вы жаждете избавления.

Этот сон скрывает в себе глубочайшую жизненную проблему. Вот перед нами две действительности – действительность сна и действительность пробуждения. Обе требуют от нас признания своей реальности, навязываются нам с силой непосредственной очевидности. Тяжесть моих членов после пробуждения говорит мне, что подлинная реальность есть именно эта кошмарная действительность с ее суетою и бессмысленным кружением. А сон говорит мне другое, прямо противоположное. Реален только тот крылатый гений, которого ты в себе ощущаешь, реален этот могучий подъем и полет, действительно только это парение над бессмыслицею. Не это видение есть сон, а тот кошмар всеобщей бессмыслицы и тяжести, который предстанет пред тобою чрез полчаса в твоём мнимом пробуждении.

Как же нам решить этот спор? Чем более мы вникаем в поставленный вопрос, тем больше мы убеждаемся, что нет решительно никаких философских оснований предпочесть свидетельство так называемой действительности свидетельству вещего сна. Ссылаться на непосредственную очевидность и доказывать ею обманчивость «сна» мы не имеем никакого права, ибо вопрос идет именно о том, что – действительность и что – сон; а непосредственная очевидность, свидетельствующая о достоверности и реальности, в обоих случаях совершенно одинакова.

Сопоставление так называемой «действительности» и сна по внутреннему содержанию опять-таки не дает нам никакого решения, потому что в так называемой действительности с ее хаосом, внутренним раздором и вечно исчезающими иллюзиями несравненно больше бредового и кошмарного, чем в том прозрачном, кристально ясном и радостном сне.

К тому же и наяву свидетельство нашего сна находит себе многочисленные подтверждения. Ведь этот сон только облакает в фантастическую форму то самое ощущение нашей духовной свободы, которое радует нас и в минуты нашего полного духовного пробуждения. Самое страдание чело-

века о бессмыслице доказывает невозможность для него целиком в ней погрязнуть. Есть в нем сила, которая ей не покоряется, от нее отталкивается и от нее отлетает. Когда совершается этот полет, мы чувствуем в себе крылья; мы познаем их прежде всего в могущественном подъеме нашего ясного сознания, в головокружительной высоте парения нашей мысли. Где-то под нами проносится бурный поток бессмысленной жизни, где-то внизу вращаются бесчисленные колеса житейского круга, а в это время мысль уносится в сверхвременное царство истины и смысла, чтобы оттуда с высоты в форме вечности созерцать временное. Достигнув предельной высоты подъема над суетой, мысль наша не только чувствует свою от нее свободу, но и как бы некоторую власть над этой текучей, изменчивой действительностью. Я могу в любой момент остановить мыслью этот временный процесс, воскресить отдаленное прошедшее со всеми живыми, яркими его подробностями. Где Цезарь, Наполеон, Платон или Кант? Для суеты они канули в небытие, унесены в бесконечную, ушедшую даль. Но, подымаясь на сверхвременную высоту мысли, мы их видим, для мысли они есть. Вопреки повседневному опыту, где все кончается ежесекундно, мысль дерзает сказать – есть бесконечное прошедшее: в этом – ее право, в этом же и ее сила. Так же и будущее: в той жизни, что под нами, его нет, оно еще не наступило. Но для мысли оно есть всегда, неизменно; в любую минуту я могу его предвосхитить и представить. Теперь лето, но я знаю, что в январе будет зима; теперь день, но я уже вижу умом ту ясную звездную ночь, которая его сменит. Теперь тишина, но закроем глаза, вслушаемся в наш внутренний звуковой мир! Разве мы не чувствуем, что мы в любой момент можем прослушать этим внутренним слухом любую симфонию: и ту, которая прозвучала вчера, и ту, которая прозвучит завтра. Чего-чего не может сделать мысль, которая в любой точке останавливает летящую стрелу и, вопреки очевидности повседневного опыта, имеет полное право сказать: «стрела покоится!» Мыслить движение именно и значит – найти покой в движении: мир мысли есть всегда покой.

И не одна мысль, восходя к смыслу, испытывает эту радость покоя: с нею вместе взлетает ввысь и воля. Там, внизу, в мире, погрязшем в неправде, царствует всеобщий раздор, льются потоки крови. Но воля моя всею своею силою утверждает открывшуюся в мысли сверхвременную правду, единство всеобщей цели и смысла над всеобщей борьбой. Полет мысли тут проявляется как совесть о безусловном. И, созерцая все эти откровения нашей духовной свободы, испытывая нашу духовную силу во всевозможных подъемах и взлетах, мы и в самом деле убеждаемся в правдивости вещего сна. В человеке есть тот крылатый гений, о котором сон свидетельствует. Есть и какая-то внемирная высота над человеком, куда уносят эти крылья.

(Продолжение следует)

